

«Директор Советского Союза»

К 90-летию со дня рождения заслуженного работника культуры РСФСР

Николая Фёдоровича Стародуба

Телеграмма. 17 октября 1992 года. Стародуб-Орёл Нине Сергеевне. «Ушёл последний гигант. Ниночка, держитесь. Сердцем и душой с вами».

Этой телеграмме двадцать два года. Двадцать два года, а в ней по-прежнему запах горечи, почерк смерти и крик безысходности. Нет в живых того, о ком эта телеграмма, нет в живых того, кому она была адресована, как и того, кто её отправлял. Но есть эти буквы, набранные на печатной машинке, и они что-то разбивают внутри, взламывают, они подкатывают к горлу ком: УШЁЛ ПОСЛЕДНИЙ ГИГАНТ.

Он ушёл, когда мне было пять лет. Ещё через пять лет мне в руки попала эта телеграмма, а вместе с ней — статьи о балете и опере, подписанные фамилией Стародуб, материалы о каких-то гастролях, выставках, о повышении ставки «некой» заслуженной артистке Высоцкой, о присуждении «какого-то» Красного знамени, длинный толстый карандаш, четыре кисточки и красная коробочка с орденами.

Портрет деда, человека, которого я не успела узнать, я рисую для себя с того самого дня и вряд ли когда-нибудь завершу. Рисую не только и не столько я — рисуют люди, которые его знали, рисуют артефакты, случаи и случайности. И надо признаться: чем больше штрихов в этом портрете, тем больше он у меня становится похожим на икону. Для меня — икона. Непререкаемый авторитет. Больше, чем человек. И больше, чем родной человек.

Николай Фёдорович Стародуб родился 25 июля 1924 года в селе Будунда Амурской области, и этого могло не произойти, если бы его отец Федосей (Фёдор) Варфоломеевич не получил в годы Первой мировой войны Георгиевский крест. В 1919 году, когда Федосей вернулся домой, неугодного правдолюбца решили убрать: схватили, повязали, продержали двое суток в тюрьме, но в кармане шинели обнаружили именитую награду и вынуждены были отпустить узника «из уважения к георгиевскому кавалеру». Рождения Николая Фёдоровича могло не произойти, если бы Федосей, оставшийся сиротой в семь лет, не выдержал скитальческой жизни, не выстоял один среди чужих, не выжил в опасных шахтах Донбасса... В 1911 году с молодой женой Парасковьей Федосеевной Дякун они перебрались с Украины на Дальний Восток и пустили корни здесь, на Амурской земле. Детей было семеро, Николай — младший. Трех впоследствии отнесли на кладбище.

Федосей был человеком прямолинейным, порой жестоким, с обострённым чувством справедливости. Его либо любили, либо ненавидели. Эти качества, словно через копирку, передались сыну Николаю. В 1968 году поэт Леонид Завальнюк напишет поэму о Николае Стародубе «Осень на Амуре» (заглавие в последующих изданиях — «Осень в Благовещенске), где будут такие строки:

...И стал греметь,
И стал уметь
То, что дано немногим:
Расчётливо и смело
Вершить любое дело.

Любое, всякое. В него
Он, как таран, влезает,
И с той поры он царь и раб
Того, чем жив и занят.
В плену уменя своего
Живёт он неумело,
И дело гибнет без него,
Как гибнет он без дела.

А вот о Федосее: «Его обуяла жадность к работе, всё у него в руках жило и ладилось, и он каждый вечер досадовал, что приходится отрываться от дела». Написал это старший брат Николая, Сергей Фёдорович Стародуб, в своей повести. В 1966 году толстую тетрадку с заглавием «Отец» Николай Фёдорович принесёт на встречу с Александром Трифоновичем Твардовским, и эта встреча станет днём рождения Писателя: повесть опубликовали в самом читаемом и уважаемом тогда журнале «Новый мир», а потом книги Сергея Стародуба стали за неделю разлетаться сотысячными тиражами.

Отец умер, когда Николаю было всего пять лет. Мать второй раз вышла замуж и вместе с Николаем переехала в село Крутинское Омской области, в семью нового мужа. Её ожидала страшная судьба: голод, изнурительная работа на мукомольной фабрике, пять лет тюрьмы в годы репрессий, а потом арест сына Сергея и его девять лет Колымы — за страшную, просто чудовищно страшную фразу, произнесённую им за праздничным столом учителей станции Магдагачи: «Жаров, Уткин — великие поэты? Чепуха! Всем вашим Уткиным, Жаровым и им подобным надо поучиться образности и музыкальности стиха у Есенина. Да, у Есенина!» (Сергей Стародуб, повесть «Во имя памяти»). Вторая фраза была ещё чудовищнее: Сергей Стародуб констатировал, что «наш великий Сталин лишён дара прогноза». Вместо ленинградской Академии художеств, куда решил поступать молодой учитель рисования, ехать пришлось на Колыму. Справка Верховного суда СССР о том, что всё было ошибкой, пришла только в 1957 году, через десять лет после освобождения и через два года после того, как сильного двухметрового сорокалетнего Сергея Стародуба разбил паралич. Мать не узнала ни о том, ни о другом: она умерла в пятьдесят шесть лет, через двадцать восемь дней после выхода из тюрьмы.

А так хотелось братьям Стародубам перелистать эти страницы в обратную сторону и вернуться туда, в дом, построенный руками отца, в тёплые руки матери. Николай не помнил отца — он просил Сергея рассказать о нём, а Сергей писал — сначала левой рукой, потом держа карандаш в зубах, а дальше, после полного паралича, писали жена, дочь и сын — под диктовку: «Иногда перед купаньем мать всех поголовно стригла, как в овчарне баранов — до самой кожи и ступеньками, — купала по очереди, начиная с меньшего, в большом деревянном корыте и голыми, раскрасневшимися отправляла на горячую печку, где мы — сытые, вымытые, отшлёпанные и обласканные — сладко засыпали, ещё не осознавая великого счастья иметь мать, самого родного, самого дорогого, незаменимого человека на земле. Проснувшись утром, мы едва узнавали свою одежку — выстиранную, высушенную, прокатанную вальком, в новых заплатках, пахнущую улицей и снежной водой. Никогда не забыть мне запахов — чисто вымытого пола, круглых свежеиспечённых буханок ржаного хлеба, остывающего на столе под чистой холстиной, горячего печного духа борща или жаренного на сале картофеля. Я не видел мать спящей или просто отдыхающей. Как-то между делом она ухитрялась производить придирчивый осмотр всех нас, безошибочно догадывалась

о скрытых под рубашками, заткнутых за пояса предметах мужской воинской доблести, и всё отбирала, под корень подсекая наши тактические планы. Управившись по хозяйству, соседи и односельчане собирались у нас коротать длинные зимние вечера и засиживались до ночи» (Сергей Стародуб, повесть «Отец»).

Однако книга жизни неумолимо перелистывала страницы вперёд, всё дальше и дальше от этих воспоминаний, пахнувших борщом и материнской лаской.

Николай остался с судьбой один на один. В 1941 году он окончил железнодорожную школу на станции Магдагачи, в этом же году поступил в Новосибирский университет на филологический факультет, но окончил учёбу, едва начав: из студента превратился в рядового, а университетские аудитории сменил на 151-й запасный стрелковый полк. В Благовещенск Николай Стародуб вернулся только после двух лет армии. В 1943 году, с простецким этюдником начинающего художника в руках и простодушным предложением: «Возьмите меня в актёры», он впервые переступил порог Амурского театра драмы. Тогда девятнадцатилетний Стародуб вряд ли мог предположить, что это здание станет его детищем, судьбой, точкой невозврата и, наоборот, возврата...

Он начал свой путь в театре артистом, потом окончил Иркутское художественное училище, работал живописцем в Амурском товариществе художников, а дальше — вверх по лестнице: уполномоченный по контролю за зрелищами и репертуаром в областном отделе по делам искусств, заведующий Благовещенским городским отделом культпросветработы, начальник отдела искусств Амурского областного управления культуры.

20 августа 1954 года Стародуб впервые вошёл в Амурский театр в качестве директора. Директором его назначили «на время», чтобы поправить дела театра, а «задержался» он на тридцать два года. Он вошёл в Амурский областной театр драмы, а вышел из Амурского областного ордена Трудового Красного Знамени театра драмы, и в этой «приписке» — невероятное количество лет работы, сил, нервов, целая жизнь Николая Фёдоровича Стародуба.

Когда Стародуб стал директором, главным режиссёром театра был заслуженный артист РСФСР Николай Иванович Уралов. Личность удивительная, личность легендарная. Как говорят сегодня театроведы, тогда была эпоха Уралова как режиссёра и тогда же началась эпоха Стародуба как директора. Вместе они проработали десять лет. Через тридцать лет после их первой встречи во всесоюзном журнале «Премьера» наряду со статьями о столичных театрах будет опубликована статья с лаконичным названием «Директор» — о директоре Амурского театра, где Николай Стародуб скажет: «Благодарен Уралову за хорошую школу, которую у него прошёл. Таких знаний ни в одном учебном заведении не получишь. Десять лет, что вместе проработали, — урок на всю жизнь!»

Стародуб учителя не забыл. Каждому благовещенцу известен переулок Уралова, что расположился вдоль городского парка недалеко от театра, но мало кто знает, что добился того, чтобы переулку присвоили имя Уралова, именно Николай Фёдорович Стародуб — в бытность свою депутатом горсовета. Каждый, кто хоть раз был в Амурском театре, видел в фойе и большой мраморный бюст Уралова — тоже работа Стародуба. «Николай Фёдорович был горячим поклонником творчества Уралова, — говорил Марк Либерович Гофман, известный литературный редактор и друг Стародуба. — И он всегда поддерживал линию Уралова на высокое реалистическое искусство. На этой почве у Стародуба были столкновения со многими режиссёрами, которые приходили и уходили, но основная линия театра продолжала оставаться ураловской. Благодаря именно Николаю Фёдоровичу. Вообще, Стародуб был одним из тех людей, которые составляли основу культурной жизни области. Где бы он ни работал. Он был

человеком комплексным. Его высоко ценили свои же. Но его высоко ценили и те, кто стоял выше».

Тогда, в 1954 году, встал двадцатидевятилетний директор перед зданием театра, окинул его взором и начал думать, что с этим аварийным сооружением делать. Перед Стародубом стояло здание Общественного собрания, которое построили в 1882 году и с тех пор ни разу толком не ремонтировали. Это не был театр в полном смысле этого слова — это было здание, где работали артисты и где показывали спектакли. Ни о цехах, ни о приличных уборных для артистов, ни о закулисной части не было и речи. И как снежный ком: нет экономической базы — нет укомплектованной труппы — нет желающих работать в театре — нет желания зрителей бывать в театре.

Стародуб начал с труппы. Хождения по вышестоящим инстанциям дали свои плоды: приедем артистам театр теперь предлагал квартиру, детский сад и пионерлагерь для ребёнка, все возможные и невозможные льготы. Льготы льготами, но для всех окружающих до сих пор остаётся загадкой, как Стародуб умудрился собрать в Благовещенске артистов из Киева, Москвы, Читы, Кемерово, Самарканда, Петропавловска-Камчатского, Ижевска, Душанбе, Перми, Тюмени, Дмитрограда... Всех этих артистов он лично «высматривал» на всесоюзных биржах, куда ездил ежегодно, обязательно и постоянно. И все сорок восемь артистов, которых Стародуб собрал в Амурском театре, получили высшее театральное образование!

А параллельно шла реконструкция здания: надо было его отремонтировать так, чтобы не порушить внешнего облика, надо было сохранить интерьер, но сделать его удобным и современным. Стародуб придумал новый фасад — эти поддерживающие фронтоны большие четырёхгранные колонны, без которых сейчас уже сложно представить наш театр. А существуют они всего-то с 1958 года. Пристроили закулисную часть, соорудили и оснастили помещения для цехов, к театру подвели восемь автобусных линий из отдалённых районов города.

И настолько всё пошло хорошо, что Стародуба в 1962 году срочно решили направить в Кемерово, чтобы на этой волне он поправил дела ещё одного театра — Кемеровского. Не знаю, связано ли это с отъездом из Благовещенска Стародуба, но именно в 1962 году из театра ушёл Уралов, и ровно на два года Амурский театр лишился своих «эпох». За два года Стародуб превратил захудалый Кемеровский областной театр в один из лучших театров Сибири, но как только это произошло, вернулся обратно, в Амурский театр. И всё могло быть снова хорошо, как раньше, однако радость возвращения была отравлена новостью о смерти Уралова. Стародуб остался один на один с их общими идеями, замыслами и мечтами.

Но он справился.

Театр стал греметь на весь Советский Союз. Николай Фёдорович был человек немногословный, но «многодеятельный». Семьдесят репетиций в месяц, девять премьер в год, «дни районов», «театральные поезда», фестивали. Он умел организовать в Благовещенске семинары, на которые съезжались директора со всего Советского Союза, умел организовать проезд профессиональных театральных критиков из Москвы. Были у театра и постоянные благовещенские критики. После каждой премьеры в «Амурской правде» обязательно появлялась рецензия на новый спектакль, и эту рецензию по-настоящему ждали и читатели, и зрители, и создатели спектакля.

Самым «весомым» и авторитетным театральным критиком была, несомненно, Нехамма Иоановна Вайсман — легендарный преподаватель, профессор, человек, влюблённый в театр и во всю мировую литературу, очень тонкий ценитель и знаток, равных которому не было. Надо сказать, что критика с её стороны была не всегда комплиментарной, зато конструктивной, и с этой критикой считались. Однажды даже, после суровой рецензии на постановку «Горько»

(объединение двух одноактных пьес Б. Брехта и М. Зощенко), спектакль вовсе сняли с репертуара, — правда, и Нехама Иоановна на какое-то время оказалась в немилости. Однако это не изменило её отношения к Стародубу: «Николай Фёдорович Стародуб был очень талантливым человеком. Это был кладёзь просто, это было счастье для театра, что такой человек там работал. Хотя он был строгим. Вот такое сочетание требовательности к делу и вместе с тем богатства души. Это замечательный симбиоз в любой профессии... Когда я вспоминаю Николая Фёдоровича, я вспоминаю, что я захожу — и он с великим уважением встречал меня всегда, брал моё пальто, развешивал. И я чувствовала, что он это делал не только со мной, потому что я его рецензент, — что он всех так встречает. Вот этот гостеприимный хозяин действительно в нём сидел. Он умел! Он познал глубину и силу человеческих взаимоотношений. Он уже самой своей беседой как бы поднимал людей до уровня. Помните: театр начинается с вешалки? Для меня театр начинался с Николая Фёдоровича Стародуба».

В те годы Амурский театр объездил весь Советский Союз, а своё столетие отметил на сцене московского театра «Ленком». Группу принимал лично министр культуры РСФСР Ю. С. Мелентьев. Тогда же, в 1983 году, театру присудили переходящее Красное знамя, на которое претендовали пятьсот тридцать театров Советского Союза!

Нынешний директор Амурского театра заслуженный работник культуры России Татьяна Фёдоровна Бедина в то время была заместителем начальника управления культуры города Благовещенска и привозила Стародубу «приветы» со всех концов огромной страны: «Всегда, когда узнавали, что я из Благовещенска, говорили: “Это у вас Николай Фёдорович Стародуб работает? Вы там ему привет передавайте!” И я была под прикрытием вот этого образа великого Стародуба у этих людей... Вообще, сколько себя помню, знала, что в театре работает Николай Фёдорович — гениальный директор. Я всегда знала, что он входил в некую группу пяти-шести директоров театров Советского Союза, которые определяли направления, перспективы деятельности. Это такие могикане! Я просто удивляюсь, как Николай Фёдорович всё это успевал. Я ещё больше уважаю его за то, как он умел держать коллектив — в таком железном кулаке. Здесь должно быть достаточно силы воли, характера. Всё это у Николая Фёдоровича было. И все директора, которые после него приходили, так или иначе подвергаются “чистке” под ним. Всех проверяют всегда: “А Николай Фёдорович делал так, а Николай Фёдорович вот таким был”. Нас всё время сравнивают. И пока живо поколение, которое помнит, знает его, которое уже как легенду его образ распространяет и передаёт другим поколениям, очень трудно работать и соответствовать. Я ведь тоже себя под Николаем Фёдоровичем пытаюсь всё время “чистить”. Думаю: как бы он повёл себя в той или иной ситуации? Очень уважаю как руководителя. В истории Амурского театра Николай Фёдорович Стародуб огромный след оставил на последующие поколения. Он закладывал основы, которые сегодня сохраняются».

Леопольд Феликсович Сарапас, друг и коллега Николая Фёдоровича, на протяжении многих лет бывший редактором «Амурской правды», загибает пальцы, пытаясь сосчитать все функции, которые выполнял Стародуб, будучи директором. «Пальцев не хватает, — смеётся Леопольд Феликсович. — Понимаете, он не был каким-то традиционным директором драматического театра. Это была только часть его службы. И эту часть он выполнял образцово. Так, как он содержал материальную базу этого очага культуры, — дай бог каждому. По существу, он был художественным руководителем театра наряду с главным режиссёром, и главный режиссёр с этим считался: слишком высока была компетенция Стародуба в вопросах драматургии. Наконец, он был прекрасный театральный художник. Каждый оформленный им спектакль просто выделялся — и своими декорациями, и своими

великолепными костюмами. Такой человек-оркестр. И — настоящий человек, с большой буквы».

Перебираю программки спектаклей тех лет — и действительно, что ни спектакль — оформление Стародуба. Листаю: «Царская охота», «Старомодные чудеса», «Обход», «Морозко», «На той стороне», «Укрощение строптивой», «Лиса и виноград», «Характеры», «Отчий край»... Последний принадлежит перу драматурга Н. Фёдорова. Фамилию он сделал себе из отчества... Н. Фёдоров — псевдоним Николая Стародуба. Свой «Отчий край» он писал долго, основательно. Именно этим спектаклем открывал Амурский театр московские гастроли в 1983 году.

Валентину Ивановну Матвееву, ставшую недавно заслуженным работником культуры Амурской области, Стародуб «высмотрел» в Комсомольске-на-Амуре и вместе с мужем, Владимиром Гавриловичем Матвеевым, который через три десятка лет станет народным артистом России, пригласил на работу в Амурский театр. Валентина Ивановна, художник, мастер на все руки, до сих пор дни напролёт проводит в своём цеху: надо придумать, нарисовать, приклеить. О Николае Фёдоровиче она по сей день говорит так, будто он живой: «Николай Фёдорович прежде всего художник, художник-постановщик, с которым ни единая деталь не проходит мимо — как её воспроизвести, из какого материала. Из-за любого гвоздя разговор шёл. По его работе было всегда всё выдержано: начиная от эпохи и заканчивая материалом по ткани, мебели, реквизиту. Это для него имело принципиальное значение. И он к этому скрупулёзно относился. В работе он любил, чтобы всё было чётко, порядок любил. Причём принципиальный порядок. Если он сказал, что это нужно вот так, то это будет только так, и никак иначе. На него работали — все вокруг танцевали. Помню, как Николай Фёдорович однажды осматривал мебель, декорации перед премьерой и сделал столяру замечание, что у стула не выдержан рисунок по стилю. Сделал замечание — и пошёл себе. Так столяр взял топор, разрубил все стулья и за ночь сделал новые! Такой был вес и авторитет Стародуба среди подчинённых. Да и не только подчинённых. Его все уважали».

Я знаю, что за пылинку на паркете или недостаточный его блеск Стародуб мог уволить. Знаю, что технички по несколько часов на коленках натирали этот паркет мастикой — каждую неделю! Но легенду о том, что техперсонал относился к своей работе как к великому призванию, честно говоря, воспринимала как «художественное» преувеличение. Сомнения эти развеялись совершенно случайно, когда женщина-вахтёр в одном из учреждений культуры услышала мой разговор о Стародубе. Она переспросила фамилию, поинтересовалась, кем я прихожусь Николаю Фёдоровичу, а на следующий день протянула мне листочек, старательно исписанный каллиграфическим почерком: «В 1980 году я пришла работать в театр гардеробщицей. Руководил театром Николай Фёдорович Стародуб. Человек он был строгий, я его побаивалась, да и другие тоже. Но знаете, таким людям хочется соответствовать, какая-то сила в нём была такая, что рядом с ним хотелось быть лучше. Николай Фёдорович не любил, когда ему возражали. Сердился, если его не понимали с первого слова. Решения принимал быстро и бесповоротно. Если замечал, что человек недобросовестно относится к своим обязанностям, выгонял без промедления... Меня вскоре перевели в реквизиторы, но я недолго проработала в театре, ушла по семейным обстоятельствам. Столько лет уже прошло с тех пор, уже нет Николая Фёдоровича, но такие люди не забываются: это был удивительный человек». На листочке нет ни имени, ни фамилии этой женщины, и я почему-то так и не спросила, как её зовут, но листочек этот для меня ценнее, может быть, самых жарких излияний друживших с дедом людей: очень просто это написано, искренне и как-то очень по-настоящему.

«В этом театре постоянно ощущаешь крепкую хозяйскую руку, — пишет в 1983 году журналист Татьяна Исканцева. — Кажется, что здесь собрались самые вежливые гардеробщицы и билетёрши, самые старательные уборщицы. В небольшом, но уютном зрительном зале — с маленькими ложами, ярусами — поразительно чисто, а в фойе блестит отлакированный паркет, в огороженном узорной решёткой буфете тщательно протёрты столики. Порядок и чистота царят в театральных цехах — поделочном, декоративном, пошивочном, парикмахерском...»

Точно такой же порядок царил и в квартире Стародуба. Его женой была Нина Сергеевна Орёл, артистка Амурского театра, которая имела в театре меньше всего ролей, и всё больше второстепенных, и не потому что была средней артисткой (судя по рецензиям тех лет, её работы всегда выделялись), а только потому, что ей выпала честь — или участь? — быть женой Стародуба, который, дабы избежать лишних закулисных разговоров, просто не давал ей роли. Так её главной ролью в жизни стала роль жены директора, роль матери и хозяйки. И эту роль она исполняла образцово. При упоминании имени Нины Орёл «Пирожки!» — это первое, что вырывается у артистов, которые бывали в доме у Стародубов. Она их умела делать как-то совершенно фантастически, так что и через двадцать лет после её ухода у артистов слюнки текут от одного только упоминания о легендарных пирожках... Николай и Нина познакомились в Амурском театре, куда в 1943 году Нина пришла с такой же простой фразой, что и её будущий муж: «Возьмите меня в артистки». Она окончила курсы при театре и стала всё чаще выходить на сцену. 11 октября 1945 года Николай и Нина поженились. Их браку суждено было продлиться сорок семь лет. Они похоронили своего первого ребёнка и сумели пережить это и родить ещё двоих, однако и сын, и дочь, по-шли своей дорогой, не театральной: Юрий, мой отец, окончил Благовещенский медицинский институт и стал высококвалифицированным хирургом, Вера была техником-механиком связи.

Десять лет назад, когда я готовила радиопередачу памяти Стародуба, познакомилась с теми, кто знал его. О том, что я внучка Стародуба, все эти люди узнавали лишь в конце разговора. Как правило, разговора двух-, трёх-, а то и четырёхчасового. Я не хотела, чтобы для меня, для внучки, приукрашивали, преувеличивали, — я хотела знать правду, хотела получить портрет деда, написанный натуральными красками — теми, в которые был выкрашен он и его жизнь. И я была потрясена тем, как люди говорят о человеке, которого давно нет, чужому человеку, который неизвестно что вырежет из этого интервью для своей передачи... Нет уже и их, многих из них. Нет Гофмана, нет Вайсман, нет Шубинского. Но у меня на полке — стопка ещё пленочных кассет с их голосами, с их такой неожиданной и ностальгической «встречей» со Стародубом. Они рисовали для меня портрет моего деда, каждый своей кистью, и эта инсталляция вышла незабываемо. Осталось добавить кисть Леонида Андреевича Завальнюка, прекрасного художника и поэта: однажды он нарисовал Николая Фёдоровича Стародуба — правда, кистью поэтической. С этого «мазка» я начинала свой очерк, вот основная часть поэмы:

<...> Мы с ним знакомы много лет,
Друзья мы с ним как будто.
Но в чём души его секрет,
Я знаю очень смутно.
Я помню, как, уйдя в дела,
Вдруг закусил он удила,
Стал собранным не в меру
И начал строить,

Но — себя,
Себя, а не карьеру.
За часом час, за годом год,
По зову высшей жажды,
Себя он строил как завод
И выстроил однажды.
И стал греметь,
И стал уметь
То, что дано немногим:
Расчётливо и смело
Вершить любое дело.
Любое, всякое. В него
Он, как таран, влезает,
И с той поры он царь и раб
Того, чем жив и занят.
В плену уменя своего
Живёт он неумело,
И дело гибнет без него,
Как гибнет он без дела.
Не потому ль, пройдя предел,
За каждой точкой роста
Он ощущает узость дел
Как личное уродство?
Не потому ль так иногда
Тоскою он клубится
И вспоминает города,
Где есть «руда»,
Где есть куда
Всей силою врубиться?..
Хозяин сердца своего,
Натуры самодержец!..
Хотел бы знать я, что его
Здесь, на Амуре, держит?
Из-за чего он здесь осел,
Как, почему остался?
Он трижды уезжал совсем
И трижды возвращался.
Я возвращения люблю,
Они в ущерб порою,
Но, может быть, по мере мер,
Иной раз надо жить в ущерб,
Чтоб быть с душою вровень...

В одном из интервью Николай Фёдорович сформулировал пять качеств, без которых человек не имеет права на руководящую должность: «Требовательность к себе и другим.

Трудолюбие. Сила воли. Настойчивость. И ещё нужно хорошо знать своё дело — только тогда получаешь право руководить».

Все эти качества у Стародуба были. Было у него и звание заслуженного работника культуры РСФСР с 1968 года, был и орден Трудового Красного Знамени — с 1971-го. Был у него театр, который его же стараниями знали в Москве и в Министерстве культуры РСФСР. Да и сам он был одним из шести человек, что входили в состав художественного совета министерства — люди, которые формировали театральную политику в стране.

И тем не менее ушёл Стародуб из театра не по своей воле. Его уволили. Причины читайте выше, начиная с качеств руководителя. А вот поводом послужил нынешний ОКЦ, в прошлом известный под названием «Бастилия». Стародуба уволили за то, что он выступил против идеи руководства области перенести Амурский театр в новое здание. Стародуб считал, что «Бастилия» — не место для драматического театра, что есть историческое здание театра, которое нужно поддерживать в порядке. И объявил такую «итальянскую забастовку»: он просто не занимался вопросами строительства этого здания. Это был прекрасный повод попросить неугодного директора о заявлении «по собственному желанию».

26 марта 1986 года Николай Фёдорович вышел из Амурского театра, чтобы не вернуться в него никогда. Закончилась эпоха Стародуба, которая продолжалась тридцать два года. По паркету, который ещё вчера натерли до блеска мастикой, стали топтаться сапоги рабочих, оставляя после себя комья грязи. Двери и окна варварски забили досками, а из ещё не забитых летели на помойку бухгалтерские книги, документы, старая мебель. Театр переехал. Временно, как всегда. Это «временно» закончится только в 1997 году. А пока — неприспособленное для театра здание, новый директор, бунт коллектива против этого директора. Стародуба снова, — очевидно, сквозь зубы — пригласили в директорское кресло, снова как «скорую помощь» — поправить дела: непокорные артисты написали открытое письмо в управление культуры и отказались подчиняться кому бы то ни было, кроме Стародуба. Николай Фёдорович на собрание пришёл. Он слушал, смотрел, кивал. Потом поблагодарил артистов и сказал: «В одну реку два раза не войти».

Практически до самой смерти Стародуб проработал директором выставочного зала. Но дом, в котором он жил, находился и находится через дорогу от театра, и каждый день Стародуб проходил мимо полуразрушенного здания театра, мимо своего детища, которое растил, строил, в котором знал каждый гвоздь. И каждый раз, когда надо было «про-ходить», каждый этот раз отрывал от сердца кусок жизни и сократил её до шестидесяти восьми лет.

13 октября 1992 года Николай Фёдорович принёс в редакцию газеты «Амурская правда» статью «Культура и город». Писал он её, по словам главного редактора, долго, мучительно, собиравшись с мыслями: статья эта имела для Стародуба принципиальное значение. Выход её запланировали на 20 октября. 17 октября Николай Фёдорович ушёл из жизни. Скоропостижно, быстро, неожиданно для окружающих, — так, как он принимал решения при жизни. С подписью, обрамлённой чёрным прямоугольником, и подзаголовком «Размышления бывшего деятеля культуры» статья вышла в свет ровно через десять дней. «До какой же степени запустения можно довести учреждение культуры! Эта мысль не покидает, когда посещаешь старое здание драматического театра. Вот уже пять лет, как оно заброшено, стоит с выбитыми окнами, наспех заколоченными досками, и начисто разорённое внутри. До сих пор судьба здания не определена. В грустном смятении покидаешь это строение — с грязными подтёками на фасаде, где, словно в насмешку, вмурована металлическая табличка: “Памятник архитектуры, охраняется государством”». Эти слова читали тогда, в 1992 году, — кто бегло,

вдумчиво, кто через строчку, но вряд ли кто-то с пониманием того, что слова, которые они читают, вот эти самые буквы довели, добились, убили Человека.

Статья Стародуба занимает целую газетную страницу и представляет собой программу «Культура» — путь, который предлагает автор для возрождения культуры России... «Девиз — единство слова и дела — должен стать для каждого из нас нормой работы и дела» — этими словами Николай Фёдорович завершает свою статью. Это последние слова Стародуба. Он не узнает, что в «лихие девяностые» никому не будет дела ни до этих слов, ни до газет, ни тем более до культуры.

Со дня смерти Николая Фёдоровича прошло двадцать два года — целая эпоха, целое поколение, целый кусок истории. Уже не осталось практически никого, кто дружил со Стародубом, кто был с ним на равных, и, казалось бы, откуда взяться новым штрихам к портрету, новым кистям и новым граням. Но... Волею судьбы два года назад я оказалась на исторической родине, на Украине. И совершенно случайно — за одним столом с режиссёром Днепропетровского театра русской драмы Владимиром Михайловичем Саранчуком. Когда он услышал, что я родом из Благовещенска, сказал: «Надо же! Как мир тесен! А я был в Благовещенске. Там жил удивительный человек, которому я обязан жизнью, судьбой, профессией, который сделал меня тем, что я есть сейчас. Я посвятил ему целую главу книги о моём жизненном пути». Зачем-то я поинтересовалась, как фамилия этого человека, и мы поняли, что мир не просто тесен, а судьба не просто существует. Назвал он фамилию Стародуб. И никакими словами невозможно описать выражение лица человека, который узнал, что разговаривает с внучкой боготворимого им человека.

В национальный театр Украины на бенефисный вечер моего мужа пришёл Игорь Дмитриевич Безгин — известный академик и вице-президент Академии искусств Украины, доктор искусствоведения, профессор, заслуженный деятель наук Украины. Разговор о Благовещенске Игорь Дмитриевич тут же поддержал: «О! Лет пятьдесят назад я был в Благовещенске! Я помню тамошнюю площадь Ленина, помню, что через речку уже другая страна, и помню гениального директора театра Стародуба».

Народный артист Украины Михаил Васильевич Захаревич фамилию Стародуб тоже вниманием не обошёл, поскольку в своё время его не обошёл вниманием солидный директор Амурского театра Стародуб, который разглядел в нём недоюжинный талант и пригласил деревенского парня, только что окончившего театральный институт, на работу в Амурский театр. Уезжать далеко от своей украинской деревни вчерашний студент Миша тогда побоялся, но слова Стародуба о большом будущем запомнил на всю жизнь. Через два десятка лет Миша стал Михаилом Васильевичем, первым заместителем министра культуры и искусств Украины, и возглавил национальный театр имени Ивана Франко.

После этих встреч — через столько лет, за столько тысяч километров — я сформулировала для себя то, что так долго не могла сформулировать: какой он, мой дед, каким был этот человек. Настоящим. Как-то по-настоящему он прожил эту жизнь. Никакие добрые слова, сказанные человеку при жизни, никогда не сравнятся с теми, что сказаны через много лет после его смерти, в другой стране и совершенно чужим людям. То — ценно, это — бесценно.

Судьба распорядилась так, что я не успела узнать дедушку. Помню, как раздался телефонный звонок (мы жили на Сахалине). Помню, как родители сказали, что умер деда Коля. Помню, как соседский мальчик, который был у нас в гостях, сказал: «А чего это ты не плачешь? Вот я, например, плакал, когда у меня дедушка умер, потому что всегда надо плакать, когда кто-то умирает...» Я не понимала, что значит «умер», я не знала человека, который умер, только через много лет я поняла, что УШЁЛ ПОСЛЕДНИЙ ГИГАНТ. В памяти — только одно,

но очень чёткое воспоминание о дедушке. Мозг трёхлетнего ребёнка не то что запечатлел — впечатал в себя белое-белое лицо. И я шёпотом спрашивала: «Мама, а почему дедушка такой беленький-беленький?» А потом — мрачные больничные коридоры, и опять лицо — белое-белое. Сегодня мне не надо объяснять, почему лицо было настолько белым, а коридоры — больничными. Слишком сильным был этот человек, слишком успешным и слишком знающим. Именно поэтому слишком усердно взмахивали молотками те, кто старательно вбивал гвозди в его гроб, — не один год.

В моём очерке постоянно звучит слово «портрет». Сквозь портрет Николая Стародуба здесь просвечивает и «Портрет» Николая Гоголя. Именно в этой повести как откровение прозвучали для меня слова: «Другому простится многое, но ему не простится. Человеку, который вышел из дому в светлой праздничной одежде, стоит только быть обрызгану одним пятном грязи из-под колеса, и уже весь народ обступил его, и указывает на него пальцем, и толкует об его неряшестве, тогда как тот же народ не замечает множества пятен на других проходящих, одетых в будничные одежды. Ибо на будничных одеждах не замечаются пятна». Всю жизнь мой дед был в этой самой гоголевской светлой одежде и всю жизнь сохранял её в первозданном виде.

Сегодня я горжусь уже не столько тем, что Стародуб — мой дедушка, сколько тем, что мой сын — правнук Стародуба, что мой сын в свои полтора года рисует кисточками, которые полвека назад своими руками сделал его прадед, что он смотрит на мемориальную доску, что расположилась на нашем доме, и чётко произносит: «Прадед Коля!», что он ходит по той же квартире и смотрит на те же стены, которые помнят Николая Фёдоровича Стародуба. И так хочется, чтобы сын понял и оценил, насколько благородна и в то же время тяжела та светлая одежда, в которой ходил его прадед, — а когда-нибудь и сам решил бы надеть такую же. Чтобы он понял, оценил и осознал: здесь, в этом маленьком городе, в этой маленькой комнате с маленьким окном, которое выходит на маленькую улицу Комсомольскую, жил по-настоящему Большой человек. Человек, которого знал и уважал весь театральный Советский Союз и про которого уже при жизни говорили коротко, но веско: «Директор Советского Союза».